

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа: 9.11.2021.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2005 № 268-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса мирового судьи судебного участка № 1 города Смоленска о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 145, статей 318 и 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 года № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal_proc/1ffb0a5e89574bbb.html?сбаіесбааімопр. – Дата доступа: 9.11.2021.
4. Гаврилов, М.А. Правопреемство частного обвинителя / М.А. Гаврилов // Мировой судья, 2019. – № 9. – С. 14–19.
5. Титов, П.М. Частный обвинитель в уголовном судопроизводстве / П.М. Титов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра, 2020. – № 1(13). – С. 155–160.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.В. Хоменко, Д.О. Рахвалова

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, коммерциализация интеллектуальной собственности, исключительные права, лицензионный договор, цифровая экономика, иностранный элемент, принцип территориальности.

Общая тенденция направленности на коммерциализацию интеллектуальной собственности хозяйствующими субъектами требует комплексного эффективного и непротиворечивого правового регулирования этих отношений. При этом их нормирование на национальном уровне во многом базируется на международных стандартах. Тренд на цифровизацию и глобализацию экономики, безусловно, особенно затрагивают сферу интеллектуального права и, как дают новые возможности, так и привносит новые угрозы. В частности, такой угрозой является появление новых пространств использования (например, сеть «Интернет»), виртуальность которых, во-первых, осложняет локализацию места реализации субъективного исключительного права в географическом пространстве в пределах территории отдельного

государства [1], во-вторых, по сути, стирает государственные границы и трансформирует большинство правоотношений в трансграничные. Таким образом, осложнение правоотношения иностранным элементом привносит свою специфику в его регулирование. При этом, в большинстве случаев иностранным элементом осложнен субъектный состав правоотношения.

Однако, базовым принципом права интеллектуальной собственности остается принцип территориальности исключительных прав. Отчасти это обусловлено действием доктрины национального суверенитета. Он означает, что патент как охраняемый документ должен быть получен в каждой юрисдикции, где требуется защита, и, как правило, он не будет действовать за пределами территории этой страны [2].

Применительно к промышленной собственности исследователи находят прототип рассматриваемого принципа еще в решении Верховного суда США 1856 г. по делу *Brown v. Duchesne*, где отмечено, что национальный патентный закон не распространяет свое действие за пределы территории США [3]. Позднее принцип нашел отражение в Парижской конвенции по охране промышленной собственности: «патенты, заявки на которые поданы в разных странах Союза гражданами стран Союза, независимы от патентов, полученных на то же изобретение в других странах, входящих или не входящих в состав Союза» [4]. Таким образом, действие прав ограничивается территорией государства, уполномоченный патентный орган которого предоставил юридическую охрану соответствующему объекту.

При этом, важной составляющей любого субъективного права, в том числе, исключительного является правомочие на защиту (ст. 1252 ГК РФ [5], ст. 989 ГК РБ [6]). По российскому праву к исключительной компетенции арбитражных судов в по делам по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненным иностранным элементом, относятся дела по спорам, связанным с регистрацией или выдачей патентов, регистрацией и выдачей свидетельств на товарные знаки, промышленные образцы, полезные модели или регистрацией других прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые требуют регистрации или выдачи патента либо свидетельства в Российской Федерации [7].

Распространенными являются споры в области фармацевтики и медицинских изделий. Иллюстрацией из правоприменительной практики служит Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2019 по делу № СИП-166/2018 [8]. Согласно факту дела иностранное юридическое лицо оспаривало признание Роспатентом патента на группу изобретений «Лечение аутоиммунных заболеваний у пациента с неадекватным ответом на ингибитор TNF-альфа» недействительным как не обладающих признаком патентоспособности «изобретательский уровень». Как отмечено в судебном акте, «признание изобретения по патенту <...> соответствующим условию патентоспособности «изобретательский уровень» в одной из стран не является основанием для признания патентоспособным изобретения по патенту <...> в России <...> патентные законодательства зарубежных стран

отличаются друг от друга <...> сохранение действия патента в одной из стран не означает, что такой же патент не может быть признан недействительным в другой стране» [8]. Аналогичные выводы содержатся еще в нескольких решениях (см., например, [9]).

Анализ мирового опыта демонстрирует, что правовые системы знают две основные юридические формы вовлечения объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот: договоры об отчуждении исключительного права и лицензионные договоры. По российскому праву эти универсальные договорные модели применяются для предоставления исключительных прав как на объекты авторского, так и патентного права (см. ст.ст. 1234, 1235, 1285, 1286, 1365, 1367 ГК РФ [5]). Законодательство об интеллектуальной собственности Республики Беларусь придерживается схожего подхода в типологизации объектов интеллектуальной собственности и знает названные договоры, хотя и с некоторыми терминологическими расхождениями (см. ст.ст. 984.1, 985, ГК РБ [6]). Частным проявлением принципа территориальности в договорном праве служит норма ст. 1235 ГК РФ [5], согласно которой, по общему правилу, если сторонами не определено иное, лицензиат вправе осуществлять их использование на всей территории Российской Федерации.

Вместе с тем, еще во второй половине XX в. получил теоретическое обоснование, так называемый, принцип универсальности, противопоставляемый принципу территориальности [10]. Несмотря на то, что он не получил распространение в национальных правовых системах, можно сказать, что следствием стало рождение принципа ограниченной территориальности и наднациональной защиты прав на объекты интеллектуальной собственности. Примерами служат Евразийская патентная система, патентование изобретений в Европейском патентном ведомстве, Мадридская система регистрации товарных знаков.

Таким образом, в парадигме построения цифрового мира все более очевидным становится необходимость выработки новых правовых решений в области регулирования экстерриториальных отношений по поводу объектов интеллектуальной собственности, как неотъемлемое условие развития экономики в целом и защищенности интересов отдельных хозяйствующих субъектов в частности.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and Novosibirsk region, project number 20-410-543001; Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Новосибирской области в рамках научного проекта № 20-410-543001.

Список использованных источников:

1. Крупко, С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография / С.И. Крупко. – М.: Статут, 2018. – 279 с.

2. Шахназаров, Б.А. Территориальный принцип охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве / Б.А.Шахназаров // Lex russica. 2018. – № 12.– С. 132–144.
3. Gutterman, A.S. Going Global: A Guide to Building an International Business. Part A. Setting up and Managing a Business Abroad. § 13:22. Intellectual property rights. Special forms of intellectual property rights. Intellectual property rights and the Internet. Westlaw. Thomson Reuters. 2017.
4. Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) // Закон. – № 7. – 1999.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. – № 289. – 22.12.2006.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 года № 218-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. - Режим доступа: <https://etalonline.by>. - Дата доступа:07.11.2021.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. – № 144. – 04.07.2017.
8. Решение Суда по интеллектуальным правам от 02.08.2019 по делу № СИП-166/2018 // КАД Арбитр [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/>. – Дата доступа: 09.11.2021.
9. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2019 по делу № СИП-422/2018 // КАД Арбитр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/>. - Дата доступа:09.11.2021.
10. Шугурова, И.В. Территориальный принцип действия прав интеллектуальной собственности: основные тенденции развития / И.В. Шугурова // Современное право. – 2010. – № 10. – С. 76–81.